Старик, который читал любовные романы

Автор:
Луис Сепульведа

Старик, который читал любовные романы

Луис Сепульведа

Первый роман чилийского писателя, активного участника движения «Гринпис» Луиса Сепульведы (р. 1949) выдержал более сорока изданий на испанском языке и был переведен на многие языки мира.

Луис Сепульведа

Старик, который читал любовные романы

© В. Правосудов, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru (http://www.litres.ru/))

От автора

В то время как эту книгу читали в Овьедо члены жюри, несколько дней спустя присудившие ей премию имени Тигре Хуана, в нескольких тысячах километров от этого города, за невидимой стеной, отделяющей наш тихий и внешне спокойный мир от царства насилия и жестокости, банда вооруженных убийц, чьи преступления щедро оплачивают другие преступники – из тех, что сами не держат в руках оружия, носят хорошие костюмы и любят выступать якобы от имени прогресса, – лишила жизни одного из самых ревностных и бескорыстных защитников амазонской сельвы и, пожалуй, едва ли не самого выдающегося представителя современного мирового экологического движения. Дорогой друг Чико Мендес! Эта книга уже никогда не попадет в твои руки. Дорогой товарищ, говоривший всегда так мало и делавший так много! Я хочу, чтобы ты знал, что премия имени Тигре Хуана по праву принадлежит тебе, равно как и всем, кто пойдет твоей дорогой – этой общей дорогой для тех, кто выступает в защиту нашего единственного мира, которому нет и не будет замены.

Посвящается моему далекому другу Мигелю Тсенке, представителю племени шуар в муниципалитете города Сумбе в верховьях реки Нангаритцы, большому знатоку и верному защитнику амазонской сельвы.

В один прекрасный вечер, наполненный чарующими рассказами о его прекрасном крае, он поведал мне историю, случившуюся в этом величественном и малоизученном зеленом мире.

Позднее, в других краях, находящихся очень далеко от того экваториального эдема, рассказанная им история была положена в основу этой книги.

Глава первая

Серое, готовое вот-вот пролиться дождем небо, похожее на раздувшееся ослиное брюхо, почти касалось земли нижним краем туч. Влажный липкий ветер гнал вдоль берега реки первые сорванные листья и с какой-то особой неприязнью трепал шеренгу рахитичных банановых деревьев, высаженных перед входом в дом алькальда.

Все немногочисленные обитатели Эль-Идилио и горстка золотоискателей-авантюристов из окрестных джунглей собрались на пристани и ждали, пока подойдет их очередь занять место в переносном стоматологическом кресле доктора Рубикундо Лоачамина, который ввиду ограниченности имевшихся в его распоряжении инструментов и лекарственных средств пытался облегчить страдания своих пациентов весьма своеобразным способом «вербальной анестезии».

– Ну что, больно? – участливо спрашивал он.

Пациенты, вцепившиеся мертвой хваткой в подлокотники кресла, в ответ лишь потели и таращили на мучителя и без того округлившиеся, полные ужаса глаза.

Некоторые изъявляли желание выдернуть из своих ртов руки инквизитора и высказать все, что они думают по поводу таких вопросов, а заодно и по поводу его собственной персоны. Однако все эти попытки мгновенно пресекались опытным в таких делах дантистом, который перехватывал своими сильными лапищами любое опасное движение пациента и пускал в ход резервное оружие – мощный властный голос.

– Сидеть, твою мать! – кричал он. – Сидеть спокойно, кому сказал! Руки, руки убери, урод! Больно ему, понимаешь ли! Ясное дело, что больно! А кто виноват? Ну кто виноват, что тебе сейчас больно? Что, я? Хрен тебе! Правительство! Правительство – вот кто виноват! И заруби себе это на носу. Это правительство виновато в том, что у тебя гнилые зубы. Это, мать его, правительство виновато в том, что тебе сейчас больно!

Получив такую дозу словесного обезболивающего, пациенты смирялись со своей судьбой и, прикрывая глаза или чуть заметно кивая, выражали согласие с

высказанной доктором точкой зрения.

Доктор Лоачамин ненавидел правительство. Не только то, которое находилось у власти, а все правительства вообще и каждое в отдельности. Незаконнорожденный сын политэмигранта из Испании, он унаследовал категорическое неприятие всего, что каким бы то ни было образом связывалось в сознании с понятием государственной власти. Впрочем, накричавшись вволю бунтарских лозунгов еще в молодости, на студенческих собраниях, он с тех пор уже и забыл, что именно было причиной так бурно пылавшей в его груди ненависти к государственной системе. Тем не менее, повзрослев, доктор Лоачамин сумел превратить бесполезные анархистские бредни в своего рода доходное дело. Слава противника тирании летела впереди него и вызывала симпатию и доверие у большей части его пациентов, также не испытывавших большой любви к властям.

Помимо традиционного яростного охаивания каждого правительства, приходившего на смену предыдущему, он не упускал возможности хорошенько обматерить и гринго, которые порой забирались в эти глухие уголки страны с нефтяных месторождений у побережья. Американцы действительно не отличались уважением к местным жителям, и доктору порой приходилось чуть не с кулаками бросаться на них, чтобы те перестали бесцеремонно, не спросив ни у кого разрешения, фотографировать его пациентов с разинутыми ртами в момент выдергивания очередного зуба.

В нескольких шагах от трудившегося не покладая рук стоматолога немногочисленный экипаж старой посудины под названием «Сукре» перегружал с пристани на борт гроздья зеленых бананов и мешки с кофе.

Здесь же, на пристани, лежали только что выгруженные ящики с пивом, фронтерой – тростниковой водкой – и солью, а также газовые баллоны.

Погрузка шла к концу, и экипаж был готов отправиться в путь, как только доктор закончит приводить в порядок челюсти своих пациентов. Плавание предстояло неблизкое: сначала по Нангаритце до ее слияния с Саморой, а затем еще четыре дня, не особо напрягая двигатель высокими оборотами, – до речного порта Эль-Дорадо.

«Сукре» – старое ржавое корыто – держалось на плаву и было в состоянии худо-бедно двигаться против течения только благодаря упорству его владельца, капитана, а также механика – все в одном лице, бесконечной работе двух богатырей-матросов, составлявших команду, и необъяснимой воле к жизни, свойственной обычно лишь чахоточным в последней стадии болезни, которую проявлял старый, отработавший все возможные сроки дизельный двигатель. Судно было готово к отплытию, и в следующий раз должно было появиться в Эль-Идилио не раньше, чем закончится очередной сезон дождей, о скором начале которого ежесекундно напоминало набухшее серой дождевой влагой небо.

Доктор Рубикундо Лоачамин приезжал в Эль-Идилио два раза в год – с той же частотой, с которой здесь появлялся почтальон. От последнего местным жителям, впрочем, было куда меньше толку, потому что ни писем, ни какой-либо другой корреспонденции здесь давно никто не получал. Из потертого почтового саквояжа на свет извлекались лишь официальные бумаги, адресованные алькальду, да уже успевшие выцвести от влаги портреты очередных правителей страны и губернаторов, приходивших к власти.

Появление корабля у деревенской пристани означало для местных жителей всего лишь возможность пополнить свои запасы соли, газа, пива и водки. Зубного врача при этом многие ждали с нетерпением. Особенно радовались прибытию доктора те, кто перенес малярию и мучился от нестерпимой боли в оставшихся после болезни зубах. Эти несчастные вздыхали с облегчением, когда им наконец представлялась возможность очистить десны от гнилых осколков и примерить заказанный в прошлую встречу со стоматологом съемный протез – попросту говоря, вставную челюсть. Доктор Лоачамин всегда привозил с собой изрядное количество таких протезов самого разного размера и выкладывал их перед пациентами ровными рядами на алой, цвета кардинальского одеяния, салфетке.

Матеря правительство на чем свет стоит, доктор сноровистыми движениями освобождал челюсти измученных пациентов от последних остатков зубов, а затем, позволив им в знак милости хлебнуть водки, начинал примерку.

– Ну что, давай посмотрим. Как тебе эта?

– Маловата. Давит, и рот не могу закрыть.

– Твою мать, какие мы нежные! Хрен с тобой, попробуй вот эту.

– А эта болтается. Того и гляди вывалится, если чихну.

– А ты следи за собой, на хрен, чтоб не простужался! Ладно, урод, давай разевай хлебало.

Никому из пациентов и в голову не приходило возмутиться и потребовать более вежливого к себе отношения.

Примерив несколько вставных челюстей и выбрав наконец одну из них, пациент начинал торговаться по поводу цены. Спор порой затягивался надолго, но редко заканчивался значительными уступками со стороны продавца. Тот, кстати, за это время успевал продезинфицировать взятые на примерку, но оставшиеся невостребованными протезы в склянке с крепким раствором хлорки.

Для обитателей поселков и деревень, раскиданных по берегам рек Самора, Якуамби и Нангаритца, переносное зубоврачебное кресло доктора Рубикундо Лоачамина представлялось чем-то вроде сложнейшего медицинского комплекса и едва ли не вершиной технического прогресса в стоматологии.

На самом же деле это кресло с подставкой для ног и белыми эмалированными подлокотниками отслужило свой долгий век где-то в парикмахерской, откуда и было за гроши продано Рубикундо Лоачамину ввиду своей безнадежной моральной устарелости и физической обшарпанности. Прилагалась к креслу и тяжеленная платформа-станина размером примерно метр на метр. Чтобы перетащить все это сооружение с борта «Сукре» на пристань даже по частям, требовались усилия владельца судна, обоих матросов и самого доктора. Тот, кстати, именовал эту территорию площадью в один квадратный метр не иначе как «консультацией».

– Молчать, уроды! Здесь, в консультации, я командую, ясно? И делать будете то, что я вам скажу! Вот когда слезете с кресла, можете называть меня зубодером, коновалом, гландорезом или еще хрен знает кем. Там дело ваше. Я, может, даже посмеюсь вместе с вами и, так уж и быть, сделаю пару глотков за ваше здоровье, если, конечно, вы меня угостите.

Томившиеся в очереди «на прием» слушали все это с самым страдальческим видом. Те, по чьим челюстям уже прошлись зубодерные щипцы, выглядели ничуть не лучше.

Единственные, кто продолжал безмятежно улыбаться в радиусе прямой видимости от «консультации», были сидевшие чуть поодаль на корточках хибаро.

Хибаро – индейцы, ставшие изгоями в собственном племени. Народ шуар изгнал их за то, что они слишком поспешно и необдуманно стали перенимать казавшиеся большинству индейцев дикими и постыдными обычаи «апачей», то есть белых людей.

Индейцы-отщепенцы безропотно приняли это позорное прозвище, данное им еще испанскими конкистадорами, в чьем родном языке слово «хибаро» обозначало тупого, необразованного жителя какой-нибудь дальней деревни.

Разница между настоящим шуар и типичным хибаро была видна невооруженным глазом. Индейцы, продолжавшие жить в сельве, были преисполнены самоуважения и гордости, чего никак нельзя было сказать о жалких оборванцах, собравшихся у пристани Эль-Идилио и униженно дожидавшихся милостыни в виде пары глотков любой жидкости, содержащей спирт.

Хибаро довольно улыбались, сверкая при этом заостренными, сточенными с помощью речной гальки зубами.

– А вы что скалитесь? Какого хрена уставились? – кричал на них стоматолог и, грозно размахивая в воздухе щипцами, предупреждал: – Ничего, ничего, подождите, макаки! Попадетесь и вы ко мне в лапы!

Заметив, что на них обратили внимание, хибаро, не переставая улыбаться, закивали головами и затараторили:

– Хибаро хороший зубы иметь! Хибаро много обезьяний мясо кушать!

Время от времени кто-нибудь из пациентов, не выдержав мучений, испускал пронзительный крик, от которого срывались с деревьев и взлетали в воздух

перепуганные птицы, и хватал доктора за руку, державшую орудие пытки; при этом другая ладонь страдальца непроизвольно сжималась на рукояти мачете. Суровый окрик Рубикундо Лоачамина приводил бунтовщика в чувство:

– Веди себя как мужик, ты, козел! Больно ему, видишь ли! Знаю, что больно. Кто виноват? Я тебе, кажется, уже сказал. Так что сиди смирно и не вздумай хвататься за нож. В конце концов, докажи всем, что яйца у тебя промеж ног не просто так подвешены. Мужик ты или баба сопливая?

– Да понимаете, доктор, уж очень ведь больно, – смиренно и смущенно оправдывался секунду назад кипевший гневом пациент. – Вы же у меня не зубы, вы как будто прямо душу вытаскиваете. Дайте я хоть водки хлебну, что ли.

Закончив прием и обслужив последнего больного, доктор Рубикундо Лоачамин тяжело вздохнул. Обтерев со лба пот, он завернул оставшиеся невостребованными вставные челюсти в алую салфетку и стал дезинфицировать свои инструменты. Неожиданно какое-то движение на реке привлекло его внимание. Доктор поднял голову и увидел, что к пристани приближается индейское каноэ.

Одинокий гребец-шуар стоял на корме лодки и изо всех сил орудовал веслом. Подойдя вплотную к пристани, индеец удачно сманеврировал – так, чтобы каноэ пристало точь-в-точь к борту «Сукре».

Хозяин судна перегнулся через борт, и индеец стал что-то говорить ему, отчаянно при этом жестикулируя.

Дантист тем временем успел просушить инструменты и сложить их в кожаный футляр. Затем он небрежно высыпал в реку добрую пригоршню вырванных зубов и ополоснул водой мисочку, в которую их до этого складывал.

Владелец судна и индеец прошли мимо него и, сойдя с пристани, направились к дому алькальда. Капитан в двух словах объяснил врачу, что происходит:

– Доктор, тут такое дело… Боюсь, придется еще немного подождать. Этот парень говорит, что индейцы везут сюда по реке мертвого гринго.

Это известие никак не могло обрадовать Рубикундо Лоачамина. «Сукре» и так нельзя было назвать комфортабельным транспортным средством. Особенно неудобно на нем было плыть на обратном пути, когда весь корабль был завален зелеными бананами и залежалым, полусгнившим кофе.

Судя по тучам и повисшей в воздухе влаге, дождь мог начаться задолго до того, как судно добралось бы до места назначения. За этот рейс «Сукре» отстал от расписания – хоть и весьма приблизительного, но все же существовавшего – почти на неделю. Виной тому были многочисленные поломки двигателя. Если первый ливень очередного сезона дождей застигнет корабль в пути, то над палубой растянут тент, не доходящий ни до кормы, ни до носа. Под этим обрывком ткани обычно пытались сохранить в относительной сухости груз, а также спрятать от бесконечного дождя пассажиров и экипаж. Теснота получалась такая, что даже речи быть не могло, чтобы подвесить где-нибудь гамак, и спать приходилось прямо на мешках с кофе. Наличие на борту покойника в этих условиях усугубило бы и без того сомнительное удовольствие от путешествия.

Дантист помог погрузить кресло на борт судна, а затем подошел к дальнему краю пристани. Там его ждал Антонио Хосе Боливар Проаньо – крепкий жилистый старик, который, похоже, уже давно перестал обращать внимание на то, как солидно и торжественно звучит его имя.

– Ну что, жив еще, Антонио Хосе Боливар? Пока не помер?

Прежде чем ответить, старик внимательно понюхал у себя под мышками и заявил:

– Похоже, что жив, а если и помер, то совсем недавно. По крайней мере, протухшей мертвечиной от меня пока не воняет. А у вас как с этим делом?

– Зубы-то твои как поживают?

– А что им станется? Вот они – все как на подбор, – сказал старик, засовывая руку в карман, где, завернутая в выцветший носовой платок, лежала вставная челюсть.

– Что же ты ее не носишь, старый ты болван?

– А что? Сейчас вставлю. Я ведь стоял тут себе тихонько – не ел, не говорил. Вещь-то хорошая, чего ее зазря трепать.

Старик вложил себе в рот вставную челюсть, приладил ее поудобнее, цокнул языком, величественно рыгнул и протянул врачу бутылку фронтеры.

– Не откажусь, – заметил дантист. – За сегодняшний день я заслужил глоток-другой.

– И не говорите, доктор. Вы сегодня выдернули двадцать семь более или менее целых зубов да еще всяких корешков и обломков бог знает сколько. Рекорд, правда, устоял.

– Ты что, каждый раз так ведешь подсчет?

– А как же? Для чего, по-вашему, друзья и нужны? Именно для того, чтобы замечать успехи и достижения друг друга. Ну и похвалить кого, порадоваться за человека – самое милое дело. Только вот мне кажется, что раньше дела лучше шли. Ну, по крайней мере, пока сюда еще приезжали новые поселенцы, довольно молодые. Помните того придурка – ну, того, который на спор заставил вас вырвать ему все зубы?

Доктор Рубикундо Лоачамин на мгновение задумался и, покопавшись в воспоминаниях, воскресил в памяти образ человека, явившегося к нему на прием в совершенно дурацком виде: одет он был как крестьянин из какой-нибудь горной деревни – весь в белом, босой, – но при этом с серебряными шпорами на щиколотках.

Тот человек пришел к дантисту в сопровождении чуть ли не двадцати приятелей. Все они, включая и того, кто возжелал стать пациентом, были порядком навеселе. Это были странствующие золотоискатели. Местные жители называли их пилигримами, совершенно позабыв об истинном значении этого слова, не имевшего абсолютно ничего общего с искателями легкой наживы и приключений на свою – и чужие – голову. Золото значило для них все, и им было неважно, где его искать – на речных отмелях или в карманах и кошельках своих ближних.

Рухнув в зубоврачебное кресло, золотоискатель уставился на врача пустыми, ничего не выражающими глазами. Рубикундо Лоачамин, повидавший на своем веку всяких пациентов, ровным бесстрастным голосом произнес:

– Я слушаю.

– Все. Слышите, доктор? Я хочу, чтобы вы вырвали мне все зубы – один за другим. Складывать их будете вот сюда, на столик, прямо передо мной.

– Открой рот.

Пациент выполнил требование, и доктор смог убедиться, что, помимо нескольких совсем гнилых корней, во рту у него оставалось много совершенно здоровых или чуть подпорченных, но еще вполне крепких зубов.

– Эй, да их у тебя тут полон рот! А ведь каждое удаление денег стоит. Рассчитаться-то у тебя есть чем? Здесь набежит немало.

На лице золотоискателя наконец впервые появилось осмысленное выражение.

– Доктор, тут такое дело… – доверительно сообщил он. – Ребята – ну, мои друзья, вон те, которые со мной пришли, – они ведь не верят, что я настоящий мужик, круче их всех. И тут вот… Ну я, это… короче… сказал, что вытерплю, если мне даже все зубы выдернут, и при этом ни стонать, ни хныкать не буду. Ну, а они не поверили. Говорят – ни хрена, ты такого не выдержишь. В общем, я с ними поспорил. Теперь дело за вами. Если я выдержу – половина выигрыша ваша.

– Да ты, дохляк, на втором зубе сломаешься! Нагадишь под себя и к мамочке запросишься! – прокричал один из золотоискателей, и вся пьяная компания поддержала его смехом, свистом и веселыми возгласами.

– Слушай, шел бы ты отсюда. Выпил бы с ребятами, забыл бы об этой дури – они и с зубами тебя за настоящего мужика считать будут. – Доктор попытался отказаться от столь безумного предложения. – Зубы – они, конечно, твои, но я все-таки врач и во всякие дурацкие игры играть не собираюсь.

– Тут, доктор, такое дело… Вы уж меня поймите правильно, но если из-за вас я проиграю спор, мне придется отрезать вам голову вот этой хреновиной.

В глазах пациента блеснул недобрый огонек, а его ладонь тем временем крепко обхватила потертую рукоятку изрядно поработавшего на своем веку мачете. Отступать было некуда, и доктор Лоачамин занялся обеспечением технической стороны спора.

Пациент снова широко раскрыл рот, и стоматолог уже всерьез, профессионально осмотрел его челюсти. Удалить предстояло пятнадцать зубов разной степени сохранности. Выслушав вердикт, пациент выложил на алой салфетке ряд из пятнадцати золотых крупинок – крохотных самородков. Остальные золотоискатели, заключившие пари, выложили вдоль этого ряда свои ставки – за и против. Начиная с пятой позиции, количество золота в этой импровизированной таблице заметно возрастало.

С первыми семью зубами пациент расстался, ни разу не вздрогнув. На пристани и на берегу стояла полная тишина. Все ждали, что будет дальше. В момент удаления восьмого зуба был, по всей видимости, серьезно поврежден какой-то кровеносный сосуд, и рот пациента за несколько секунд заполнился кровью. Золотоискатель не произнес ни слова, но жестом потребовал у доктора сделать перерыв. Несколько раз сплюнув на доски пристани кровавую слюну, он отхлебнул порядочный глоток водки, однако не проронил ни звука. Два-три глубоких вдоха – и, повинуясь властному жесту пациента, доктор Лоачамин продолжил экзекуцию.

Когда дело подошло к концу, пристань Эль-Идилио напоминала двор небольшой деревенской скотобойни. Страшнее всего было смотреть на выигравшего пари золотоискателя. Обливаясь кровью, с изрезанными, искусанными и перекошенными от боли губами, он с видом чемпиона кивнул проигравшим и занялся отсчетом обещанной доктору доли выигрыша.

– Да, вот времена-то были, – сказал доктор Лоачамин и, вздохнув, сделал порядочный глоток фронтеры. Водка словно огнем обожгла ему горло, и он с болезненной гримасой протянул бутылку обратно старику.

– Доктор, ладно вам рожи корчить. Вам ли не знать, что эта штука убивает всех червяков и прочую гадость, которая живет у нас в кишках…

Появление на реке двух каноэ заставило старика замолчать на полуслове.

Две лодки приближались к пристани, и вскоре стало видно, что с борта одной из них к воде свешивается голова белого человека.

Глава вторая

Местный алькальд – единственный в селении государственный служащий и представитель власти, слишком далекой, чтобы вызывать у кого-то страх, – был человеком весьма тучным и при этом постоянно и обильно потел.

Старожилы поселка утверждали, что потеть он начал с того самого момента, как сошел с борта «Сукре» и ступил на пристань Эль-Идилио. С того дня он извел на вытирание пота несметное количество салфеток и носовых платков, успев заработать среди местных жителей прозвище Слизняк.

За спиной у алькальда поговаривали, будто раньше он занимал более приличный пост в одном из крупных городов в горах, но за какую-то провинность был фактически сослан в эту невообразимую глушь на востоке страны.

Помимо того, чтобы потеть, у алькальда было и другое занятие: методичное уничтожение запасов пива. Он опорожнял бутылку за бутылкой, сидя у себя в кабинете и пытаясь делать глотки то пореже, то поменьше, чтобы растянуть удовольствие, потому что понимал: как только запас этой живительной влаги кончится, окружающая действительность покажется ему еще более унылой и безнадежной.

Время от времени удача улыбалась потному толстяку, и с приездом в Эль-Идилио какого-нибудь гринго его внутренняя засуха неожиданно сменялась внеплановым дождичком из виски. В отличие от остальных жителей селения, алькальд не пил завозившуюся сюда на «Сукре» водку. Толстяк утверждал, что от фронтеры у него бывают кошмары, и потому старался не употреблять столь

популярный в этих местах напиток из страха перед умственным помешательством.

Когда именно алькальд завел себе сожительницу из индианок хибаро, никто уже и не помнил. Все знали, что Слизняк в пьяном виде частенько поколачивает ее под тем предлогом, что она его якобы заколдовала и приворожила. Поговаривали, что рано или поздно она не выдержит такого обращения и убьет своего мучителя. Время от времени некоторые даже заключали долгосрочные пари на этот счет. Следует отметить и еще одно: со времени своего появления в Эль-Идилио Слизняк умудрился добиться того, что его возненавидели все жители поселка.

Он прибыл в этот богом забытый край, одержимый манией собирать какие-то немыслимые налоги. На самом деле вознамерился он продавать лицензии на охоту и рыбную ловлю на никем не управляемой территории. Другой его бредовой затеей была попытка взимать налог за пользование природными ресурсами с тех, кто приносил из сельвы сырые, требовавшие просушки дрова – ветви деревьев гораздо более древних, чем все законы государства. В припадке служебного рвения он приказал даже построить в селении тростниковую хижину-камеру, в которой собирался держать местных пьяниц, отказывавшихся платить штраф за нарушение общественного порядка.

Не было в Эль-Идилио человека, который не провожал бы проходившего мимо алькальда презрительным взглядом. Излишняя потливость представителя власти тоже, разумеется, не работала на создание его хоть сколько-нибудь положительного образа.

Предыдущего алькальда в поселке, наоборот, уважали и любили. «Живи и не мешай жить другим» – было его девизом. Именно ему местные жители были обязаны сравнительно регулярным появлением у их пристани корабля с зубным врачом, почтой и многими полезными грузами. К сожалению, тот алькальд недолго продержался на своем посту.

Как-то раз он крепко поговорил с несколькими золотоискателями, и не прошло и двух дней, как его нашли с раскроенным черепом и уже наполовину сожранного муравьями.

Пару лет в Эль-Идилио не было ни одного человека, который обозначил бы присутствие эквадорской государственности в непроходимой сельве, где и сама линия границы проводится весьма условно. Видимо, никто из государственных служащих ни в одной провинции не совершил за это время проступка, в наказание за который его можно было бы перевести в такую дыру.

Каждый понедельник (понедельники вообще были особой страстью, своего рода пунктиком алькальда) весь поселок, презрительно ухмыляясь, наблюдал, как он поднимает национальный флаг на столбе у пристани. Так продолжалось до тех пор, пока во время очередной грозы порыв ветра не сорвал выцветшее полотнище и не унес его неизвестно куда вглубь сельвы. С флагом исчезла куда-то и уверенность в понедельниках, что, впрочем, никого особо не обеспокоило.

И вот алькальд прибыл на пристань. Он провел платком по лицу и шее и, выжав мигом промокшую насквозь тряпку, приказал поднять труп с каноэ на причал.

Погибший был еще достаточно молодым человеком, не старше сорока лет, светлокожим и довольно крепко сложенным.

– Где вы его откопали?

Шуар переглянулись, явно терзаемые сомнениями, стоит ли вообще отвечать на вопросы алькальда.

– Вы что, дикари, по-испански не понимаете? – рявкнул на них алькальд.

Один из индейцев набрался решимости и ответил:

– Выше по течению. Два дня пути отсюда.

– Поверните его так, чтобы я видел рану, – последовал приказ толстяка.

Второй индеец повернул голову трупа, и стало видно, что насекомые уже успели выесть ему правый глаз, тогда как левый еще отражал дневной свет голубой точкой. Рваная рана тянулась по шее покойника от самого подбородка до правого плеча. По ее краям торчали обрывки артерий и сухожилий, а в глубине уже копошились бесцветные черви.

– Все понятно, – заявил алькальд. – Вы его и убили.

Шуар попятились.

– Нет-нет, шуар никого не убивать.

– Не врите! Хватанули его мачете по шее – и дело с концом. Тут и дураку все ясно. – Потный толстяк вытащил из кобуры револьвер и навел его на перепуганных, растерявшихся индейцев.

– Нет, шуар не убивать! – осмелился повторить один из индейцев.

Алькальд заставил его замолчать ударом рукоятки револьвера по голове. По лбу индейца побежала тоненькая струйка крови.

– Вы, козлы, меня за кого держите? – свирепо оскалившись, спросил толстяк. – Нет, обезьяны, меня так просто не проведешь! Этого парня убили вы, и никто другой! А теперь – марш за мной! В кабинете мне все расскажете. Главное – сформулируете, за что вы его, беднягу, зарезали. Хотя и с этим все ясно – ограбить хотели, вот и все ваши мотивы. Давайте, дикари, пошевеливайтесь. А вы, капитан, подготовьте судно к транспортировке двух арестантов.

В ответ хозяин «Сукре» лишь пожал плечами.

– Прошу прощения, ваше превосходительство, но сдается мне, что вы сейчас срете мимо очка. Эта рана нанесена не мачете, – в тишине, повисшей над пристанью, раздался спокойный, негромкий голос Антонио Хосе Боливара.

Алькальд снова зло отжал носовой платок и буркнул в ответ:

– А ты-то откуда знаешь?

– А что тут знать-то? Я что вижу, то и говорю. – Старик подошел вплотную к покойнику, наклонился над ним, еще раз повернул тому голову и пальцами развел края раны. – Видите? Вот здесь мышцы вспороты вдоль волокон. Возле челюсти разрывы очень глубокие, а ближе к плечу остаются только у самой кожи. Вглядитесь-ка: здесь явно не один, а четыре разреза.

– Ну и что за хрень ты мне хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать всего лишь то, что не бывает ножей с четырьмя клинками. Это когти. Этого человека убил ягуар. Взрослый крупный зверь. Вы подойдите сюда и понюхайте.

Алькальд провел платком по затылку и переспросил:

– Нюхать? А что его нюхать? Я и так вижу, что он уже гнить начал.

– А вы все-таки не поленитесь нагнуться и принюхаться. Не бойтесь: мертвецы не кусаются, да и черви, которые их пожирают, тоже. Понюхайте его: одежду, волосы.

Преодолевая страх и отвращение, толстяк нагнулся и с почтительного расстояния обнюхал мертвеца, напоминая при этом выискивающую что-то на помойке трусливую собаку.

– Ну что, чем пахнет?

От группы наблюдавших за происходящим отделилось несколько самых любопытных, которые тоже стали принюхиваться к разлагающимся останкам.

– Я понятия не имею, – ответил алькальд. – Да и что тут можно было унюхать? Ну, кровью пахнет, червями…

– Кошачьей мочой воняет, – сообщил один из любопытных.

– Да, – кивнул старик, – только помочился на этого гринго не кот, а кошка. Очень большая кошка.

– Это еще не доказывает, что не они его убили, – заявил алькальд, желая дать всем понять, кто здесь представитель власти.

Впрочем, общее внимание уже переключилось на Антонио Хосе Боливара. Старик еще раз внимательно осмотрел труп и сказал:

– Его убила самка. Самец, скорее всего, остался где-то там, где это случилось. Может быть, этот гринго его даже ранил. Самка убила его и пометила жертву своей мочой, чтобы никто из животных не осмелился тронуть ее добычу, пока она будет разыскивать скрывшегося в сельве самца.

– Это все вилами по воде писано, – вновь подал голос алькальд. – Развесили тут уши! А я уверен, что эти дикари убили его, а затем, чтобы отвести от себя подозрение, облили кошачьей мочой. Алиби, понимаешь ли, хотели себе обеспечить!

Индейцы собирались было что-то возразить, однако направленный прямо на них ствол заставил их промолчать.

– А зачем им, спрашивается, было его убивать? – глядя куда-то в сторону, поинтересовался доктор Лоачамин.

– Как зачем? – переспросил алькальд. – Странный вопрос! Тут, по-моему, все ясно. Убили, чтобы ограбить. А какие для убийства еще могут быть причины? Чтобы заполучить себе чужие шмотки и всякое барахло, эти дикари ни перед чем не остановятся.

Старик при этих словах поморщился, отрицательно покачал головой и посмотрел на дантиста. Тот сразу понял, к чему клонит Антонио Хосе Боливар, и, нагнувшись над мертвецом, стал обшаривать его карманы. Через несколько секунд перед Слизняком на доски пристани легли вещи погибшего.

Наручные часы с браслетом, компас, бумажник с деньгами, бензиновая зажигалка, охотничий нож, серебряная цепочка с кулоном в форме лошадиной головы… Старик сказал несколько слов одному из шуар на его языке, и тот, проворно спрыгнув в каноэ, передал на пристань брезентовый защитного цвета рюкзак.

Рюкзак открыли и извлекли из него, помимо принадлежностей для чистки ружья и пачки патронов, пять крохотных шкурок котят ягуара. Ни один из этих маленьких кусочков пятнистого меха не превышал в длину двадцати – двадцати пяти сантиметров. Шкурки были пересыпаны солью, что не мешало им издавать омерзительную вонь, не такую, впрочем, сильную, как та, что шла от самого

мертвеца.

– Ну что ж, ваше превосходительство, по-моему, дело можно смело считать раскрытым, – заметил дантист.

Алькальд, не переставая потеть, переводил взгляд с индейцев на старика, с него на остальных обитателей поселка, затем на дантиста и снова на индейцев. Судя по всему, сказать ему было нечего.

Сами шуар, едва увидев шкурки котят, обменялись между собой несколькими явно тревожными фразами и попрыгали в каноэ.

– Стоять! Куда рванули? Будете стоять здесь, на пристани, пока я вас не отпущу или не придумаю, что еще с вами делать! – заорал Слизняк.

– Отпустите вы их. Им действительно нужно возвращаться к своим. Или вы до сих пор ничего не поняли?

Старик покачал головой, поднял с земли одну из шкурок и швырнул ее алькальду, который не скрывал омерзения.

Не дав толстяку опомниться, старик вновь заговорил, глядя ему прямо в глаза:

– Подумайте сами, ваше превосходительство! За столько лет, проведенных здесь, вы могли бы понять хоть что-то из того, что происходит вокруг. Давайте я вам все растолкую: этот сукин сын перестрелял котят и почти наверняка ранил самца, их папашу. Посмотрите еще раз на небо. Дождь вот-вот начнется и зарядит надолго. Вот и представьте себе эту картину: самка наверняка отправилась на охоту, чтобы хорошенько набить себе брюхо и, не заботясь о пропитании, выкармливать детенышей в логове хотя бы первые две-три недели сезона дождей. Котята, как видите, были еще совсем крошечные. Поэтому самец остался рядом с логовом – охранять детенышей. Так уж у них заведено. Вот в этот-то момент на них и наткнулся наш гринго, черт бы его побрал. И теперь по сельве бродит обезумевшая от горя самка ягуара. Она вышла на охоту – охоту на человека. Ей ведь не составило труда выследить, куда направился гринго от ее логова. Этот несчастный тащил у себя за спиной собственный пропуск на тот свет – шкуры ее грудных детенышей. Одного человека эта тигрица[1 - В странах Латинской Америки ягуаров в просторечии часто называют тиграми.] уже убила.

Она уже почувствовала вкус человеческой крови. А для дикого зверя все мы на одно лицо. Все мы одинаково пахнем, и любой из нас – душегуб, убийца ее детенышей. Отпустите индейцев, пусть плывут. Им нужно срочно предупредить своих, и не только в их стойбище, но и во всех окрестных. С каждым днем тигрица будет становиться все опаснее. Горе и жажда мести приведут ее к нашим поселкам и стойбищам шуар. Какая же сволочь этот гринго! Вы только посмотрите на шкурки! Они же крохотные, ни на что не годные. Это же нарушение закона – охотиться накануне сезона дождей, да еще с таким ружьем. Видите, какие дыры? Он их чуть не на куски разорвал. Теперь понимаете, как все оборачивается? Вы обвиняете индейцев, а на самом-то деле преступник – он, гринго! Поохотиться ему, видите ли, приспичило! Мало того что не в сезон, так еще и на охраняемых животных! Вас интересует, где же оружие? Могу заверить вас в том, что у шуар его нет. Почему? Да потому, что труп они обнаружили на большом расстоянии от того места, где кошка напала на человека. Не верите? Посмотрите на его сапоги. Вот здесь, на голенище: оно как будто изжевано. Это означает, что тигрица долго тащила его через джунгли. Поглядите на такие же следы от зубов вот тут, на куртке, на груди: как она яростно трясла его, умирающего, вымещая на жертве свою ненависть. Гринго, конечно, сам виноват, но такой смерти врагу не пожелаешь. Посмотрите еще раз на рану: один коготь разорвал этому парню яремную вену. Он, наверное, еще корчился в предсмертных судорогах, а она, держа его своими когтистыми лапами, лакала бьющую из раны кровь. Потом она – умная тварь, ничего не скажешь – потащила труп на берег реки, к самой воде, чтобы его не сожрали муравьи. Затем пометила добычу – помочилась на нее – и отправилась на поиски раненого самца. Вот тогда-то проплывавшие мимо шуар его и обнаружили. Отпустите их, ваше превосходительство, да еще попросите, чтобы они по дороге предупредили золотоискателей, чьи стоянки им попадутся на берегах реки. Самка ягуара, обезумевшая от горя, страшнее целой банды таких головорезов.

Алькальд, не проронив ни слова, повернулся и пошел к себе в кабинет, чтобы составить рапорт для полицейского участка в Эль-Дорадо.

Воздух с каждой секундой становился все более густым и горячим. Вязкий, влажный, он приклеивался к коже, словно невидимая, неприятная на ощупь пленка. Сельва стихла, и молчание это предвещало ненастье. Набухшее, изнемогавшее от тяжести воды небо вот-вот должно было обрушить на землю целый океан дождя.

Из кабинета алькальда доносилось редкое, неритмичное постукивание пишущей машинки. Двое жителей поселка тем временем сколотили на пристани большой деревянный ящик, в котором предполагалось переправить труп в Эль-Дорадо.

Глядя на серое небо, капитан «Сукре» отчаянно матерился, не забывая при этом помянуть недобрым словом покойника. Он настоял на том, чтобы в ящик насыпали побольше соли и налили немного воды. Этот перенасыщенный раствор должен был служить для трупа консервантом, если не предотвращающим, то по крайней мере замедляющим процесс разложения. Впрочем, владелец судна прекрасно понимал, что от трупного запаха на борту деваться все равно будет некуда.

Вообще-то, поступить с покойным полагалось иначе. Согласно дурацким юридическим нормам любого мертвеца, которого по какой-либо причине нельзя было просто взять да и оставить по-тихому где-нибудь в сельве, следовало вскрыть, вспоров его от шеи до низа живота, выбросить все внутренности и набить тело солью. В таком случае был шанс довезти покойника до места назначения в более или менее презентабельном виде. К сожалению, когда речь шла о чертовых гринго, те же самые правила и распоряжения не допускали «неквалифицированного» вмешательства и требовали доставки трупа соответствующим властям в том виде, в каком он был найден. Так что тесному суденышку предстояло тащить покойника вместе с пожиравшими его изнутри червями. По всей видимости, к месту назначения ему суждено было прибыть в виде омерзительного зловонного мешка с копошащимися личинками.

Старик и зубной врач присели на газовые баллоны и стали смотреть на реку. Время от времени они передавали друг другу бутылку фронтеры, делали по паре глотков и затягивались жесткой сигарой из крепкого, хорошо высушенного табака – такие не гаснут даже на самом влажном воздухе.

– Ну, ты даешь, Антонио Хосе Боливар! – с уважением заявил дантист. – Это ж надо! Ты сумел заставить заткнуться самого алькальда. Я, конечно, понимаю, что ты человек опытный и в сельве чувствуешь себя как дома, но мне и в голову не приходило, что ты просто прирожденный следователь. Хотя, знаешь, дело-то даже не в этом. Ты унизил Слизняка на глазах всего поселка, причем схлопотал он это унижение абсолютно заслуженно. Чует мое сердце – рано или поздно кто-нибудь из хибаро сунет ему копье под ребра.

– Нет. Его жена убьет. Ее он достал еще сильнее, чем всех остальных. Она просто копит злость, но, видимо, Бог наградил ее большим терпением, и чаша эта до сих пор еще не переполнилась. Ну да ничего, я уверен, что ждать осталось недолго.

– После того, как ты сегодня провел следствие, я и не собираюсь спорить с тобой. Тебе виднее. Да, слушай! Из-за этого покойника чуть не забыл: я ведь тебе две книги привез.

У старика загорелись глаза.

– Про любовь?

Дантист утвердительно кивнул. Антонио Хосе Боливар Проаньо читал любовные романы. Книгами его снабжал Рубикундо Лоачамин. Каждый раз, приезжая в Эль-Идилио, доктор привозил с собой нужные книги.

– Грустные? – озабоченно спросил старик.

– Слезами обольешься, – заверил его доктор.

– Про настоящую любовь? Ну, чтоб всем сердцем?

– Про самую настоящую. Про такую, какой и на свете никогда не было.

– А они там – ну, которые в книге, – мучаются, переживают?

– А то как же! Я, пока читал, сам измучился, – со скупым мужским вздохом ответил дантист.

На самом деле доктор Рубикундо Лоачамин не читал любовных романов: ни этих двух, ни вообще каких бы то ни было.

Когда старик впервые попросил его о такой любезности – привезти что-нибудь почитать, ясно и четко указав при этом свои предпочтения: несчастная любовь, страдания, испытания и счастливый финал, – врач понял, что выполнить просьбу старика будет не так-то легко.

Он живо представил себе такую сцену: вот входит он в книжный магазин в Гуаякиле и спрашивает: «Дайте мне, пожалуйста, что-нибудь про любовь. Ну, какой-нибудь печальный романчик, где герои мучаются от несчастной любви, где все окружающие сплошь сволочи, которые только и думают, как бы им помешать, но при этом чтобы все кончалось хорошо». С точки зрения Рубикундо Лоачамина, его непременно подняли бы на смех, приняв за откровенного педика. Решение столь нелегкой задачи пришло к нему совершенно неожиданно – в неожиданное время и в не менее неожиданном месте, а именно в одном из портовых борделей.

Рубикундо Лоачамину нравились негритянки. Во-первых, они в постели не стеснялись говорить такое, от чего вскочил бы на ноги даже нокаутированный боксер. А во-вторых, что было для него не менее важно, занимаясь любовью, они не потели.

Как-то раз, развлекаясь с Хосефиной – красоткой с гладкой и упругой, словно натянутой на барабан, кожей, он вдруг заметил на комоде ряд книжных корешков. Оторвавшись от ласк, Рубикундо присмотрелся к этому чуду света. Зрение его не обмануло: пара дюжин разнокалиберных книжечек действительно выстроились в шеренгу по росту на комоде в комнате его подруги и ублажительницы.

– Ты что, книги читаешь? – недоверчиво спросил он.

– Ну да… Понемногу, правда, и не быстро, – ответила женщина.

– И какие же тебе больше всего нравятся?

– Любовные романы, – с томным вздохом призналась Хосефина, засвидетельствовав совпадение своих вкусов с предпочтениями Антонио Хосе Боливара.

Начиная с того дня Хосефине пришлось совмещать уже привычную для нее роль временной компаньонки с новыми для себя обязанностями литературного критика. Каждые полгода она со всей ответственностью проводила отбор двух романов, в которых, по ее мнению, терзания героев были самыми жестокими. Именно эти литературные произведения, получившие столь высокое одобрение,

оказывались затем в хижине Антонио Хосе Боливара Проаньо на берегах реки Нангаритцы.

Старик торжественно принял из рук доктора две книги, тщательно рассмотрел обложки и сообщил, что на первый взгляд они ему нравятся.

Тем временем ящик с покойником перенесли с пристани на палубу. Общий надзор за несколько необычной погрузочной операцией осуществлял вернувшийся из своего домика алькальд. Заметив зубного врача, он несколько раз выразительно посмотрел в его сторону, а затем подослал одного из жителей поселка с традиционным напоминанием.

– Сеньор алькальд интересовался, не забыли ли вы про налоги, – передало доверенное лицо запрос руководства.

Врач протянул ему заранее приготовленные банкноты, заметив при этом во всеуслышание:

– Да как же он мог такое подумать! Передай сеньору алькальду, что я – законопослушный гражданин.

Посланник вернулся к алькальду и вручил тому деньги. Алькальд пересчитал банкноты, запихнул их в карман и чуть заметным кивком, сопровождавшимся неопределенным жестом руки, дал понять, что подношение принято.

– Мне он тоже, кстати, страшно надоел, – сообщил старик, обращаясь к зубному врачу. – Совсем свихнулся на своих налогах. Только и думает, как бы с кого сорвать хоть какой-нибудь куш.

– Кровососы, – кивнув, согласился Рубикундо Лоачамин. – Как еще их и назвать-то? Любое правительство только тем и живет, что пьет кровь и вытягивает последние жилы из своих граждан. Ну да ладно – как они к нам, так и мы к ним. Да и что с них взять? Одно слово – сволочи.

Некоторое время старик и врач молча смотрели на зеленовато-бурую реку – мутную, неторопливо текущую куда-то вдаль, к океану, вечность.

– Я смотрю, как-то ты призадумался, Антонио Хосе Боливар, – нарушил молчание врач. – Что-то случилось? Давай выкладывай.

– Ну, случилось не случилось… В общем, не нравится мне все это дело. Чует мое сердце – Слизняк решил устроить охоту. Соберет несколько человек и двинет в сельву. Самое поганое то, что меня он потащит с собой обязательно. А мне это не по душе. Вы же видели ту рану. Красиво завалили этого гринго – с одного удара. Зверь крупный, сильный, у него когти на лапах, считай, сантиметров по пять будут. А ведь животное остается животным. Никакое горе не заставит его потерять осторожность. К тому же дожди начинаются. Выследить эту кошку не будет никакой возможности. В сезон дождей в сельве следы исчезают прямо на глазах. Охотиться в это время трудно не только людям, но и хищникам, а голод, как вы понимаете, только добавляет дикому зверю упорства и хитрости.

– Ну так откажись. Скажи, что не можешь участвовать в охоте. Что, мол, стар ты уже для таких приключений.

– Не скажите! Мне даже иногда приходит мысль: не жениться ли еще раз? Если надумаю, попрошу вас стать моим посаженным отцом.

– Между нами, Антонио Хосе Боливар, сколько тебе лет?

– Да уж хватает. По бумагам вроде как чуть за шестьдесят, но если принять во внимание, что эти самые бумаги родители получили на меня, когда я уже вовсю ходил, то выходит, что мне вроде как под семьдесят.

Звон корабельной рынды, возвещавший о скором отплытии, заставил старика и доктора попрощаться. Старик простоял на пристани до тех пор, пока «Сукре» не скрылся из виду за изгибом речного русла. Затем, решив, что на сегодня разговоров с кем бы то ни было с него хватит, он вынул изо рта вставную челюсть, завернул ее в носовой платок и, прижимая к груди книги, направился к своему домику.

Глава третья

Читать Антонио Хосе Боливар Проаньо умел. Писать – нет. Максимум, на что хватало его каллиграфических умений, – это нацарапать как курица лапой свою собственную подпись на какой-нибудь официальной бумаге. Обычно это требовалось на всяких-разных очередных выборах, но поскольку случались они все-таки не очень часто и, главное, нерегулярно, навыки письма у Антонио Хосе Боливара, прямо скажем, не развивались и не совершенствовались.

Читал он тоже не слишком свободно. Глядя в книгу, он произносил читаемый текст вполголоса по слогам, словно пробуя на вкус каждое слово. Почти к каждому из них он возвращался, чтобы произнести его со второго-третьего раза одним махом. Затем, собрав слова воедино, он проделывал ту же операцию с целым предложением. Таким образом, шаг за шагом, строчка за строчкой, он постигал мысли и чувства, вложенные автором в текст какого-нибудь очередного литературного шедевра.

Когда старику попадалась особенно удачная, на его взгляд, фраза, а то и целый абзац, он многократно повторял этот фрагмент текста, чтобы в очередной раз убедиться в том, насколько же, оказывается, может быть прекрасен человеческий язык.

Читал он при помощи лупы. Этот предмет был вторым в списке наиболее дорогих для Антонио Хосе Боливара вещей. На первом месте была вставная челюсть.

Жил старик в хижине с единственной комнатой площадью примерно метров десять. На этом пространстве он без особых трудов разместил немногочисленные предметы обстановки, имевшиеся в его распоряжении: джутовый гамак, сундук, служивший также подставкой для примуса, и необычно высокий стол. Несколько лет назад, впервые почувствовав боль в спине, он понял – годы берут свое, и решил, что сидеть в его возрасте следует как можно реже и меньше. Тогда-то он и соорудил этот высоченный стол, за которым стоя ел и стоя же читал свои любовные романы.

От непогоды хижину защищала соломенная крыша. В той стене, что была обращена к реке, имелось небольшое окно. Поближе к нему старик и поставил стол на высоких ножках.

Прямо у входа в хижину висело старое, протертое до дыр полотенце. Тут же в коробочке лежал непременный кусок мыла, обновлявшийся каждые полгода. Мыло у него всегда водилось хорошее – настоящее, распространявшее въедливый запах животного жира. Оно одинаково хорошо отстирывало грязь с одежды, отмывало тарелки и сковородки, промывало волосы и смывало грязь с тела.

На стене, в ногах гамака, висел портрет молодой пары, исполненный кистью какого-то безвестного деревенского художника.

Изображенный на картине мужчина – не кто иной, как Антонио Хосе Боливар Проаньо – был одет в строгий синий костюм с белой рубашкой. Присутствовавший на картине галстук в полосочку на самом деле был лишь плодом творческой фантазии художника. У настоящего Антонио Хосе Боливара галстука никогда в жизни не было.

Женщина – Долорес Энкарнасьон дель Сантисимо Сакраменто Эступиньян Отавало – была изображена на картине в той одежде, которую действительно носила в жизни. Это платье по-прежнему хранилось если не как вещь в сундуке, то по крайней мере как образ в одном из дальних уголков памяти, где черным роем вьются мрачные, безжалостные слепни одиночества.

Синяя кружевная мантилья придавала дополнительное достоинство лицу женщины, позволяя при этом видеть ее роскошные черные волосы, которые, разделенные на прямой пробор, ниспадали ей на плечи. В ушах у женщины были серьги в виде крупных позолоченных колец, а шею украшали несколько нитей таких же позолоченных бус. На груди платье женщины было богато расшито фамильным узором рода Отавало. Тонкие губы изогнулись в легкой улыбке.

Они познакомились еще детьми, в Сан-Луисе – небольшом поселке в горах, у подножия вулкана Имбабура. Им было по тринадцать лет, когда родители, не особо интересуясь мнением детей, устроили их помолвку. А через два года состоялось большое торжество, в котором они-то как раз не принимали особого участия, изрядно напуганные тем, что по окончании этого веселья им предстоит считаться взрослыми самостоятельными людьми. Это их волновало куда больше, чем то, что все вокруг стали называть их мужем и женой.

Первые три года не то дети, не то супруги прожили в доме отца Долорес. Очень пожилой и давно овдовевший, он пообещал оформить завещание в пользу молодых в обмен на пожизненную о себе заботу и усердные молитвы – как за его здравие, так и по всем подобающим поводам.

Когда старик умер, молодым супругам еще не исполнилось и девятнадцати лет. В наследство им достался жалкий клочок земли, обрабатывая который было совершенно невозможно прокормить семью. Небольшое стадо, также перешедшее к ним, пришлось продать, чтобы покрыть расходы на похороны и поминки.

Время шло. Антонио Хосе Боливар работал на своей земле и нанимался батраком к соседям, на участках которых, бо?льших по размерам, требовались рабочие руки. Семья жила, едва сводя концы с концами. Единственное, в чем у них не было недостатка, так это в злобных слухах и бесконечных пересудах соседей. Молодому мужу дела до них было мало, но они страшно отравляли жизнь несчастной Долорес Энкарнасьон дель Сантисимо Сакраменто Эступиньян Отавало.

Молодая женщина никак не могла забеременеть. Каждый месяц с ужасающей пунктуальностью ее организм выдавал соответствующее тому подтверждение, и с каждым месяцем она все сильнее чувствовала, как соседи и знакомые отторгают ее, выдавливая за рамки своего круга.

– Родилась она такой, что детей у нее не будет. Плохо это, не по-божески, – судачили между собой старухи.

– А я видела ее, когда у нее первые месячные были, – подхватывала разговор одна из женщин. – Так у нее в крови головастики были – все сплошь мертвые, – уверяла она, сама веря в то, что говорит. – В общем, мертвая она изнутри.

– Нет в ней жизни, и детей у нее не будет, – делали вывод остальные. – И зачем, спрашивается, нужна такая женщина?

Антонио Хосе Боливар Проаньо как мог пытался утешить жену. Они исходили все окрестности – от одного целителя к другому, перепробовав все травы, снадобья и заклинания, каждое из которых, по уверениям лекарей, являлось лучшим, единственно верным средством от бесплодия.

Все было напрасно. Месяц за месяцем жена Антонио Хосе Боливара уединялась в укромном уголке их дома, чтобы в очередной раз получить постыдное подтверждение своей неполноценности.

Решение уехать из родных мест было принято после того, как глава семьи получил взбесившее его предложение. «Может быть, дело-то в тебе, – сказали ему. – Отправь-ка ты ее на ярмарку одну». В общем, ему предложили отвезти жену на июньскую ярмарку, заставить ее принять участие в карнавале и общей на все село пьянке, которую односельчане устраивали незамедлительно после окончания праздничной проповеди. Из года в год повторявшийся ритуал июньских праздников в Сан-Луисе состоял в том, что стоило священнику выйти за двери церкви, как прихожане доставали принесенные с собой бутылки с тростниковой водкой и домашним – все из того же тростника – самогоном. Веселье продолжалось прямо в храме до тех пор, пока повалившиеся на пол прихожане не сплетались в полумраке в порыве плотской страсти со случайно оказавшимися рядом партнерами или партнершами.

Антонио Хосе Боливар Проаньо отверг саму вероятность того, чтобы считаться отцом ребенка, зачатого на греховном карнавале неизвестно от кого.

С другой стороны, к отъезду молодых подтолкнули известия о том, что правительство разработало план заселения амазонской сельвы. Власти обещали большие земельные наделы и техническую помощь тем, кто согласится переехать в эти негостеприимные края. Помимо тяжелого климата и отсутствия какой бы то ни было цивилизации, жизнь в этих районах осложнялась еще и тем, что их принадлежность к Эквадору в те годы активно оспаривало Перу. Впрочем, молодых это не испугало. На семейном совете они решили, что хуже их жизнь вряд ли станет, а перемена климата, вполне возможно, положительно скажется на здоровье супруги, исцелив ее от бесплодия.

Незадолго до ярмарки они собрали то немногое, что могли взять с собой, заперли дом и отправились в путь.

Чтобы добраться до речного порта в ЭльДорадо, им потребовалось две недели. Часть пути они проделали в автобусе, часть в кузове грузовика, немалую долю прошли пешком. По дороге им пришлось побывать в городах со странными обычаями, таких, например, как Самора и Лоха, где индейцы из племени сарагуру из поколения в поколение носят лишь черную одежду в знак вечного

траура и скорби по Атауальпе[2 - Атауальпа (1500–1533) – верховный инка, правитель Тауантинсуйу, государства, занимавшего территорию современных Перу, Боливии, Эквадора, севера Чили и северо-запада Аргентины; был казнен испанскими конкистадорами.].

Оставшаяся часть пути заняла еще неделю. На этот раз им пришлось плыть в каноэ. С непривычки их обоих чуть не разбил паралич от недостатка движения. Наконец за очередным – неизвестно каким по счету – изгибом реки лодка ткнулась носом в берег. Единственной постройкой, встретившей переселенцев, был большой ангар из оцинкованной жести, в котором размещались администрация, склад семян и инструментов, а также – на первое время – и сами прибывшие в эту глушь поселенцы. Это и был Эль-Идилио.

Вновь прибывшим без всяких проволочек выдали большую бумагу со множеством разных печатей внушительного вида, гласившую, что предъявители сего документа являются не бродягами и самозванцами, а участниками государственной программы по заселению отдаленных территорий. Им выделили участок земли – два гектара дикой сельвы, а также пару мачете, несколько лопат, несколько мешочков семян, изрядно подпорченных жуком-долгоносиком, а кроме того, твердо пообещали полную техническую поддержку со стороны государства. Что это такое и в чем она должна была выражаться, так никто никогда и не узнал.

Новые поселенцы на скорую руку, как могли, соорудили какое-то подобие дома и принялись за расчистку от леса склона ближайшего холма. Работая целый день от рассвета до заката, они могли выкорчевать одно большое дерево, срубить вокруг него кусты в радиусе нескольких метров и расчистить этот клочок от лиан. Уже на следующее утро лес почти полностью залечивал нанесенную ему накануне рану. Лианы затягивали проплешины, словно соревнуясь с людьми, словно подгоняемые жаждой мести, словно желая наказать незваных пришельцев.

К началу первого сезона дождей у переселенцев закончились запасы продуктов. Что делать дальше, не знал никто. У некоторых колонистов было свое оружие – старые, быстро ржавеющие во влажном климате ружья. Беда состояла в том, что звери, обитавшие в этих джунглях, оказались проворными и на редкость хитрыми. Даже рыба в реке, казалось, от души веселилась: то и дело показываясь на поверхности и плескаясь в заводях, она никак не хотела попадаться ни в самодельные сети, ни на удочку.

Оторванные от всего мира дождями, казавшимися им стихийным бедствием – едва ли не всемирным потопом, – переселенцы жили впроголодь в своих лачугах с протекающими крышами в ожидании чуда. Работать в такую погоду было абсолютно невозможно, и им только и оставалось, что смотреть целыми днями на набухшую от дождевой воды реку, уносившую вниз по течению стволы огромных деревьев и вздувшиеся трупы животных.

Люди тоже начали умирать. Одних смерть настигала в виде неизвестных плодов, оказавшихся ядовитыми; кого-то валили с ног лихорадка и другие, невиданные в горах болезни; некоторые навеки сгинули в пасти огромных удавов, которые, напав на жертву, сначала душили ее, затем все теми же стальными мышцами ломали грудную клетку и подолгу, порой по нескольку часов заглатывали тело, чтобы впоследствии в течение долгих недель переваривать эту неожиданную, но тем не менее питательную добычу.

Поселенцы чувствовали себя потерянными в этой бесплодной борьбе с дождями, так и норовившими разрушить их жилища и оставить людей без крова, и с москитами, которые полчищами накидывались на них, облепляя с ног до головы, напиваясь кровью, оставляя под кожей свои личинки, которые в скором времени начинали пробираться наружу, к свету, превращая человеческое тело в сплошную гноящуюся рану. Многие поселенцы стали жертвами голодающих в сезон дождей хищников, спускавшихся с холмов поближе к реке и оглашавших окрестности поселка ужасающим рычанием. Спасение пришло совершенно неожиданно и в столь же неожиданной форме. В один прекрасный день в лес рядом с Эль-Идилио явились полуодетые люди с раскрашенными лицами и разноцветными украшениями в волосах и на руках.

Это были индейцы шуар. Насмотревшись на страдания переселенцев, они сжалились над ними и пришли протянуть незнакомцам руку помощи.

Колонисты научились у индейцев искусству охоты и рыбной ловли, научились строить жилища, способные противостоять натиску стихии в сезон дождей, отличать съедобные плоды от ядовитых. А самое главное – они научились у шуар искусству сосуществования с сельвой.

Когда сезон дождей закончился, индейцы помогли поселенцам расчистить несколько участков на склонах холмов, не забыв предупредить о том, что все это бесполезно. Выслушав советы индейцев, поселенцы все же поступили по-своему.

Первые семена легли в землю, отвоеванную у джунглей. Очень скоро стало понятно, что индейцы были абсолютно правы. Местная почва оказалась совершенно неплодородной. Дожди промывали ее до такой степени, что не привыкшие к подобным условиям растения погибали, не успев отцвести, – либо от недостатка питательных веществ, либо пожираемые полчищами насекомых.

С наступлением очередного сезона дождей первый же ливень смыл в реку те немногие всходы, что поселенцы сумели сохранить в непрестанной борьбе с надвигавшимися на поля со всех сторон джунглями.

Долорес Энкарнасьон дель Сантисимо Сакраменто Эступиньян Отавало не выдержала таких тягот и на второй год скончалась в бреду и горячке от малярии.

Антонио Хосе Боливар Проаньо понял, что в свой поселок в горах он никогда не вернется. Бедняки готовы великодушно простить человеку все – все, кроме неудачи в попытке вырваться из нищеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/luis-sepulveda-3/starik-kotoryy-chital-lubovnye-romany/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

В странах Латинской Америки ягуаров в просторечии часто называют тиграми.

2

Атауальпа (1500–1533) – верховный инка, правитель Тауантинсуйу, государства, занимавшего территорию современных Перу, Боливии, Эквадора, севера Чили и северо-запада Аргентины; был казнен испанскими конкистадорами.

Купить: https://tellnovel.com/luis-sepulveda/starik-kotoryy-chital-lyubovnye-romany-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити